

но же, приобрел огромный боевой опыт, весьма пригодившийся ему в будущем. И «всегдашняя готовность ввязаться в рискованное дело превратилась в разумный риск солдата-фронтовика».

После революции Александр Васильевич некоторое время был членом полкового комитета, хотя каких-либо политических убеждений, по его собственному утверждению, еще не имел. Просто дельный, обстрелянный, справедливый (да еще и не пьющий!) унтер-офицер среди гусар пользовался заслуженным уважением.

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...

Вскоре полки императорской армии были расформированы, и Горбатов отправился домой. Путь его лежал через Петроград (в ту пору Черниговские гусары стояли под Нарвой) и Москву, так что увидеть обе российские столицы в пору революционного ажиотажа отставной унтер-офицер смог в полной мере. Смог он увидеть и в полной мере оценить чрезвычайно обедневшую деревню. Новая жизнь обещала исполнение вековой крестьянской мечты о вольном землепашестве. Возвращение к старому ничего хорошего не сулило. Происходящее вокруг пьянило и давало надежду, порою эфемерную и несбыточную, но такую желанную. А потому через год, осмыслив увиденное и пережитое, добровольцем вступил в Красную Армию. И невероятное тут же начало происходить: начав службу рядовым красноармейцем в 1919 году, в 1920 уже командовал Башкирской конной бригадой. Воевал против денкинцев, врангелевцев, петлюровцев и белополяков. При этом боевую учебу молодого пополнения, зачастую вел сам, да так, что у окружающих возникало подозрение: не из бывших ли этот чересчур грамотный командир?

Во время польской кампании Горбатов чудом остался жив – во время дерзкой вылазки в тыл врага, пуля, пробив щеку под глазом, вышла за ухом. Иного такое ранение навсегда бы отвратило от военной службы. Тем более походам и сражениям отдано было немало лет, а к Георгиевским наградам в 1921 году прибавился и орден Красного Знамени – вполне можно почивать на лаврах и делать карьеру в новой стране, где: быв никем, можно стать всем. Тем более, что с 1919 года красный командир Горбатов состоял в партии большевиков, а стало быть, для него были открыты любые пути в молодом советском государстве. Однако Александр Васильевич уже сделал для себя окончательный выбор – только военная служба!

ИЗ КРАСНОГО КОМИСАРА В ЗЕКА

Со времени окончания Гражданской войны он командовал полком, бригадой, дивизией и везде проявлял себя с наилучшей стороны. Позднее Маршал Советского Союза Рокоссовский отзывался о нем: «Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски – отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла».

Однако в 1937 году, во время большой чистки в РККА по делу «заговора Тухачевского» беда пришла и в дом храброго военкома. Какой-либо вины за ним не было, причем настолько не было, что даже введливые следователи ничего придумать не смогли. Среди командного состава Красной Армии, уже подвергнутого репрессиям, друзей и знакомых у Горбатова было много. Впрочем, как же иначе? С кем-то вместе служил, с кем-то воевал еще в Гражданскую. Уж с командующим округом «врагом народа, заговорщиком и шпионом» Якиром был знаком наверняка. Без сколь-нибудь внятного доказательства вины, «на всякий случай», Александр Васильевич был отставлен от должности «за связь с врагами народа», исключен из партии, а в 1938 году арестован и помещен в Лефортовский следственный изолятор. Но и здесь выбить из Горбатова нужную следствию «правду» не удалось.

Как вспоминал он впоследствии: «Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться, ... когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть!». Но для себя Александр Васильевич решил безоговорочно: «Лучше умру, чем оклеветать себя, а тем более других». Никаких «признательных» показаний Горбатов не дал, что, впрочем, не мешало суду вынести ему приговор – 15 лет колымских лагерей плюс еще 5 лет поражения в правах.

По сути, такой приговор был равноценен смертному. Но Горбатову повезло. Быть может его мужественное поведение на допросах и в заточении, быть может предчувствие скорого начала войны и внутреннее понимание руководства НКВД, что храбрый воин ни в чем не виновен, внезапно сыграли на руку Александру Васильевичу. Его дело было пересмотрено и он, наряду с группой советских военачальников (среди освобожденных также были Рокоссовский, Мерецков и многие другие выдающиеся советские военачальники. – Прим. ред.), был освобожден из мест заключения. На дворе стоял март 1941 года.

И ОБРАТНО

Чуть живой, переболевший цингой, Горбатов был направлен в санаторий для поправки здоровья, а уже в апреле вчерашний заключенный получил назначение заместителем командира 25-го стрелкового корпуса на Украину. В этой должности он и встретил начало войны. В первые же дни корпус был переброшен под Витебск. Фронт в Белоруссии разваливался на части, немецкие танковые клинья разрезали советскую оборону и прорывались вглубь страны. Остановить гитлеровцев следовало любой ценой. Перебрасываемые части занимали импровизированные рубежи и пытались, зачастую ценой жизни, измотать и обескровить фашистов. Отрезанный от штаба своего корпуса, Горбатов переподчинил себе отступающие части Красной Армии и четыре дня удерживал городок Ярцево – административный центр в Смоленской области. Через месяц после начала войны он был ранен и вывезен в Москву для лечения. Затем, едва «подлатавшись», снова был отправлен на Украину, где возглавил 226-ю стрелковую дивизию. Во время боев под Харьковом

он провел несколько дерзких рейдов в тыл противника, громя его гарнизоны и тыловые части, перерезая коммуникации и уничтожая вражеские склады. Вскоре за проявленную храбрость и полководческие дарования ему было присвоено звание генерал-майора и вручен еще один орден Красного Знамени.

Дальнейшую военную биографию генерала Горбатова можно изучать по наступательным операциям советских войск. Инспектор кавалерии на Юго-Западном фронте и под Сталинградом, командир гвардейского стрелкового корпуса на Курской дуге, затем командующий 3-й армией. С этой армией он дошел до Берлина, сражаясь всегда на острие атаки, там, где нужны были решительные, отважные, но продуманные действия. В активе этой армии взятие Орла, переправа через Днепр, бои в Белоруссии, Восточной Пруссии и, наконец, Берлинская операция.

Маршал Жуков, у которого с независимым и самостоятельным Горбатовым были довольно непростые отношения, вспоминал: «В составе Брянского фронта наиболее энергично наступала 3-я армия под командованием генерала А. В. Горбатова, который на протяжении всей войны превосходно справлялся с ролью командующего армией. И можно сказать: он вполне мог бы успешно справиться и с командованием фронтом. Но за его прямоту, за резкость суждений он не нравился высшему руководству. Особенно против него был настроен Берия, который абсолютно незаслуженно продержал его в тюрьме несколько лет».

НЕУДОБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Действовал Горбатов не только в составе Брянского фронта, и не только Берия, в высшем руководстве, его недолюбливал. Решения Александр Васильевич принимал, глубоко проанализировав ситуацию и просчитав варианты ответа. Но уж если он пришел к решению, отстаивал его до последнего. На военных советах Горбатов спорил с вышестоящим начальством до хрипоты и пуще черта сторонился манеры брать города к юбилею или знаменательной дате. Тут его уже никаким приказом было места не сдвинуть. Так во время боев за Бобруйск с требованием, как представлялось Горбатову, неуместным и преждевременным взять город к нему обратился сам командующий фронтом Рокоссовский. И тут же получил отказ.

«Смирно!, – нахмурился маршал, – Приказываю 3-й армии продолжить наступление на Бобруйск. Повторите приказ!»

Горбатов твердо ответил: «Стоять смирно буду, а армию на тот свет не поведу!»

О столь «непочтительном» поведении командарма доложили самому Верховному главнокомандующему. Разобравшись в сути вопроса, Сталин весомо заметил: «Горбатова только могила исправит» и приказал дать возможность генералу поступать по его усмотрению.

Любить его за такие вольности в верхах, естественно, не любили, но уважали и ценили за точность расчета, неодолимость в атаке и обороне, а также «гусарскую» стремительность маневра. А еще – за трепетное отношение к солдатским жизням. Находясь всегда впереди, командующий армией Горбатов, прежде всего, стремился добиться максимального успе-

ха с минимальными потерями. Как говаривал другой Александр Васильевич – генералиссимус Суворов «Мне солдат дороже себя!». Сам же командарм о собственном главном принципе военного искусства говорил так: «Уменьше воевать не в том, чтоб можно больше убить противника, а насколько возможно больше взять в плен. Тогда и свои будут целы».

Надо сказать, что солдаты отвечали командарму полной взаимностью. Так скажем, в Белоруссии, во время операции «Багратион», в боях под Бобруйском, войска 3-й армии выдержали в один день 20 атак, но не отступили. Немцы отчаянно надеялись удержаться на этих рубежах, в 1944 году здесь было выстроено 5 эшелонированных линий обороны! Прорыв здесь грозил врагу стратегическим коллапсом – советские войска прорывались в Польшу и, что особо беспокоило руководство Третьего Рейха, в сердце Германии – Восточную Пруссию. Однако удержать наши войска на заранее подготовленных рубежах фашистам не удалось. Во многом заслуга в этом 3-й армии и генерала (к концу 1944 года уже генерал-полковника) Горбатова. В боях операции «Багратион» 3-я армия взяла 27900 пленных. Большая часть тех, кто прошел по Москве «парадом» из этих тысяч.

В Восточной Пруссии, как и впоследствии в Берлинской операции, 3-я армия активно использовалась нашим командованием в качестве «фомки» для взлома долговременной обороны противника. В апреле 1945 Александр Васильевич был удостоен давно заслуженного звания Героя Советского Союза, а в мае присутствовал на подписании капитуляции Германии.

ЛАВРЫ ДЛЯ ПОЛКОВОДЦА

В послевоенные годы Горбатова не то, чтобы позабыли, но постарались «слегка» отодвинуть. Он не сидел без дела: был комендантом Берлина после нелепой гибели его первого советского коменданта генерала Берзарина, руководил военной администрацией в провинциях Мекленбург и Западные Померания, с 1950 года командовал отдельной гвардейской воздушно-десантной армией, а с 1953 по 1954 годы воздушно-десантными войсками, возглавлял Прибалтийский военный округ. И только в 1955 году получил очередное давно заслуженное звание генерал-армии. В его жизни теперь были почет и много разнообразной административной работы. Он был кандидатом в ЦК партии и депутатом Верховного Совета, о нем был снят художественный фильм «Генерал», но привычного живого дела, которому он некогда посвятил себя без остатка, для полководца уже не нашлось. Теперь в особой цене были генералы, умеющие ладить с политическим руководством и находить общий язык с командованием. А Горбатов – тут все как обычно – Горбатова могила исправит! Резкий и прямолинейный во всем, что касалось справедливости и пользы дела, Александр Васильевич был по-прежнему непримирим со всякого рода «угодниками». Друзей среди «вершителей судеб» это ему не прибавило, но о выгодах Горбатов и не думал.

Он умер в декабре 1973 года, так и не став маршалом, хотя сложно было отыскать в СССР генерала по своей доблести, знаниям и заслугам достойного этого звания более, чем Горбатов.